

Н. А. Куценко

ИЗ ИСТОРИИ
РОССИЙСКОГО
КАНТОВЕДЕНИЯ.
ХАРЬКОВСКАЯ
ФИЛОСОФСКАЯ ШКОЛА
ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ
XIX ВЕКА

Статья Н. А. Куценко «Из истории российского кантоведения. Харьковская философская школа первой половины XIX века» посвящена изучению философии Канта и других представителей немецкой классической философии в Харьковском университете в первых десятилетиях XIX века. Рассматривается значение философии Канта в профессиональной университетской среде и ее влияние на развитие отечественной философской мысли.

The article "From the Russian studying of Kant's philosophy. Kharkov's philosophical school of the first part of the XIX century" is devoted to the studying of Kant's philosophy in the Kharkov's University at the first decades of XIX century. The importance of Kant's philosophy in the professional philosophical sphere and influence on the development of motherland philosophical thought has been examined.

Ключевые слова: философия, категорический императив, университетская философия, кантоведение.

Конец XVIII — начало XIX века определяется существенными изменениями в основных направлениях развития европейской философской мысли. Происходит формирование и развитие диалектической философии, которая во многом опережала реально достигнутый уровень исследования природы и развития техники, также осуществляется становление нового типа осмысления реальности — аналитически-диалектического. Немецкая классическая философия проявляет себя как цельная и добившаяся внушительных результатов. Она по праву определяется как пик развития европейской философской мысли того времени [9; 14].

Прослеживая процесс распространения идей немецкой классической философии в России, следует показать, как это происходило, имея в виду тот факт, что такое распространение проходило параллельно с развитием самой немецкой философии и становлением институционального философского знания в

Российской империи. Также необходимо очертить круг философских проблем, в котором отечественная философия играла роль благоприятной почвы для восприятия и интерпретации новых идей. На наш взгляд, это — этическая проблематика, являющаяся центральной в творчестве большинства отечественных мыслителей XIX века.

В самой немецкой философии философию Канта и Фихте целесообразно несколько отделять от философии Шеллинга и Гегеля как первоначальный этап от предыдущего и как практическую философию, систематизирующую этику, от методологической философии, систематизирующей гносеологию. Конечно, не стоит забывать о диалектических моментах в разработке теории познания у Канта и Фихте, но на первом плане в их философских интересах все же находится обоснование свободы, или философия морали, которая выделяется в отдельный феномен немецкой классической философии — этику категорического императива.

Внимание к этике категорического императива помогает лучше выяснить характерные черты развития отечественной философии в первой половине XIX века. Они нашли свое проявление также в специфике восприятия новейшей диалектики, в частности, в том, что переход к системам Шеллинга и Гегеля не был «прямым», а происходил после усвоения идей философии Канта и Фихте. Такое внимание к этической проблематике помогает выяснить значение самих систем Канта и Фихте для развития отечественной философии, поскольку в литературе встречается тезис о незначительном их влиянии по сравнению с системами Шеллинга и Гегеля [12; 16] или вообще о неприятии идеализма Канта и Фихте, особенно в фихтеанской форме.

Начало распространения идей немецкой классической философии в России связано с восприятием философии Канта, его этики и гносеологии, которые выступали полным контрастом по отношению к французской философии, поскольку заменяли абстрактный эмпиризм строгой метафизикой. Такая метафизика и новизна вопросов, в ней поднимаемых, противопоставляла себя одностороннему восприятию реальности во французской философии, которая за счет уничтожения любых сомнений приводила к ограничению круга философских интересов. К этим сугубо философским причинам переориентации на немецкую философию следует добавить политическую — усиление в Российской империи негативной реакции на Великую французскую революцию.

Но главной причиной была все же философская позиция Канта и Фихте, которые стали своеобразными преемниками на немецкой почве гуманистических идей французских просветителей, поскольку именно они дали новое метафизическое развитие идее свободы. Во французском Просвещении свобода «провозглашалась», поэтому свободная самодеятельность человека рассматривалась не в процессе доказательства и выведения этой свободы из постулатов, а лишь как результат воспитания, влияния среды, чувств и т.д. Для перехода от метафизической к диалектической теории свободы, т.е. к принципиально новому гносеологическому уровню ее объяснения, было необходимо посредничество скептицизма, и то, что кантовская критическая философия выступает именно в такой форме, определяет уникальность ее исторического места. Оно состоит, во-первых, в ее собственном креативном значении и, во-вторых, в ее методологической роли. Каждому мыслителю после Канта нужно было сначала выразить свое отношение к поднятым в критической философии вопросам и ответам на них, и уже после такого «перехода»

через Канта определить свою дальнейшую мыслительную эволюцию. Учитывая вышеизложенное, в предыдущем выпуске «Кантовского сборника» (№ 28) мы в своей статье обратили внимание на общую картину проникновения и усвоения идей философии Канта в России в первой половине XIX века [6]. Широко известна также серия научных исследований Института философии РАН, посвященных восприятию немецкой философии Нового времени в России, в которой отечественная философия рассматривается как часть общеевропейского процесса: Гегель и философия в России. М., 1974; Кант и философия в России. М., 1994; Философия Шеллинга в России. СПб., 2000; Философия Фихте в России. СПб., 2000; Христиан Вольф и философия в России. СПб., 2001. Рассматриваемая нами тематика дополняет данные исследования.

В первой четверти XIX века появляется сеть новых высших учебных заведений, в которых философия является обязательным предметом преподавания. На Украине в 1805 году открывается первый университет — Харьковский (в соответствии с уставом 1804 года), в 1816 году — Лицей высших наук в Одессе. В 1820 году начинает функционировать Гимназия высших наук в Нежине. В 1819 году Киевское духовное училище, семинария и академия реорганизованы в Киевскую духовную академию и Киевскую духовную семинарию. В 1834 году открыт Киевский Императорский университет имени Святого Владимира. В этих учреждениях профессиональная философия представляет основное ядро философствования так такового. Преподаватели философских дисциплин не являются сторонниками какой-то одной философской системы, обязательной для всех, к тому же у каждого из них была своя судьба и свой путь в «науке науку», многие были неординарными мыслителями и деятелями образования. Знакомство с творческим наследием некоторых из них, имеющих непосредственное отношение к рассматриваемой нами теме российского кантоведения в XIX веке, начнем с первого университета на Украине — Харьковского.

В Харьковском университете философия Канта изучалась на нравственно-политическом и физико-математическом отделениях. Философские взгляды Канта, а затем и Фихте были широко известны, но оценивались по-разному Й. Шадам, И. Гриневичем, А. Кронебергом, А. Дудровичем, Т. Осиповским, А. Стойковичем, А. Якобом, П. Любовским. Среди названных преподавателей Харьковского университета одной из наиболее ярких фигур был Йоган Баггист Шад [11, с. 688]. Он первым на Украине, а также в Российской империи показал в процессе преподавания сущность новой немецкой философии — диалектические основания анализа разумности во всех главных сферах человеческой деятельности. Несмотря на сравнительно недолгое время пребывания в Харькове и драматический финал философской карьеры Шада в России, он был, по словам Г. Шпета, «живым посланцем немецкой философии» [16, с. 122]. Нам интересен и сам Шад, и его идеи, нашедшие свое воплощение в творчестве его учеников Г. Хлапонина, П. Ковалевского, И. Гриневича, А. Гавлича, П. Бразоля, Ст. Есикорского, П. Любовского, А. Дудровича, И. Любачинского, М. Павлова [17].

Шад родился в крестьянской семье в поселке Мюрсбах в 1758 году (по данным Д. Чижевского) [18, с. 69] либо в 1761 году, по другим данным. В 14 лет он поступил в иезуитский коллегиум, затем стал бенедиктинским монахом в городе Банце. Тяжело заболев, Шад написал «предсмертное» сатирическое произведение «Жизнь отца Синцера», в котором высмеивал жизнь монахов и за

которое мог полатиться собственной жизнью. Этого не случилось, поскольку, выздоровев, он сбежал из монастыря в Йену, где и начал заниматься философией, которой давно интересовался. В 40 лет Шад познакомился с философией Фихте, которая в некоторой мере уже переборола кантовский формализм, и стал ее поклонником. За сочинение, посвященное популярному изложению учения Фихте, а также за напечатанные работы «Есть ли метафизика в учении Канта?» (1798) и «Дух философии нашего времени» (1800) Шад получил звание приват-доцента Йенского университета, где вскоре ему была присвоена степень доктора философии. Изложение Шадом философии Фихте в работе “Fichten System mit der Religion” исполнено в стиле понятийного анализа, гармонически сочетающем анализ рационального и иррационального в диалектике и охватывающем собственно сущность фихтеанства. Обращаясь к проблемам философского осмысления свободы, как она подана в практической философии Канта, Шад соглашается с ее развитием и истолкованием в философии Фихте, но окончательное решение данной проблемы он находит для себя в философии тождества Шеллинга. Таким образом, личность Шада можно рассматривать как пример процесса становления немецкой диалектики, которая сохраняет в себе все корневые первоисточники — философию Канта, а далее философию Фихте и Шеллинга. Для иллюстрации данной мысли рассмотрим, каким образом Шад анализирует основное положение Фихте «Я есть Я».

Шад склонен объяснять это положение не как акт мышления, а как акт *воли*, которая является первичной основой любого мышления. Данная воля предполагает возможность самопознания путем определения в себе тождества субъективного и объективного. Причем это не только количественная, но и качественная тождественность — то начало философии, из которого выводится вся система категорий. Объяснение Шадом вопроса о тождестве интересно тем, что для воплощения такого тождества в реальность он не избирает сутобо философское поле. Шад как бы «доводит» единство фихтеанского «Я» до его действительного тождества именно в сфере практической философии, практической моральности, в которой и завершает рациональную абстракцию «Я», наполняя «Я» реальным содержанием. Такое Шеллингово тождество в трактовке центрального положения фихтеанства приводит Шада к оригинальному пониманию абсолютного философского принципа, который для него является сверхчувственной сферой абсолютной свободы, что и образует собой содержание абсолютного «Я» [15]. Весьма показателен тот факт, что сам Фихте, официально приглашаемый в Харьков, считал Шада своим единомышленником и рекомендовал его вместо себя для занятия кафедры и преподавания философии в Харьковском университете.

Д. И. Багалея в «Опыте истории Харьковского университета» пишет об этом так: «Филадельф Васильевич Каразин (сын основателя Харьковского университета. — Н.К.) рассказывает, что у него сохранились письма-ответы, адресованные Василию Назаровичу Каразину, от Фихте, Гильдебранда, Пуассона, Лабанда и других европейских известнейших особ, которые откликнулись достаточно положительно на их приглашение в Харьков» [1, т. 1, с. 136]. Шад был лично приглашен в Харьков попечителем Харьковского учебного округа графом Северином Потоцким, который был в то время за границей, примечателен и тот факт, что их познакомил Гёте [4, с. 33]. Шада назначили профессором Харьковского университета 1 февраля 1804 года. Преподавал по собственным запискам логику, эмпирическую психологию, умозритель-

ную философию, историю философии, теорию эстетики. Издал на латинском языке несколько учебников: «Чистая логика», «Естественное право» (1814). Также в Харьковском университете были опубликованы его работы: «Об окончательной цели человека» (1806), «О возвращении свободы Европе» (1815) и две актовые речи. Будучи представителем демократических взглядов, Шад был достаточно популярен в студенческой среде, но имелись у него и враги, например французский профессор Дегуров. Во время политической реакции в России на имя министра просвещения графа И. Разумовского пришло три доноса на Шада, два из них принадлежали Дегурову. В них «разоблачалась» биография Шада — беглого монаха, а также критиковалась его философская позиция — пропаганда рационализма и идей Шеллинга, что считалось несовместимым с официальным направлением деятельности Министерства [1, т. 2, с. 44]. Разумовский ограничился предупреждением, его же преемник Голицын подал в Кабинет министров прошение, требовавшее немедленной высылки Шада за границу и уничтожение его учебников. Такими способами власть пыталась противостоять вольнодумству философа Шада и его влиянию, а также его мыслям, изложенным в «Естественном праве», где обуславливается необходимость правовой гарантии категорического повеления: «По силе разума человек абсолютно свободен и сам для себя есть закон, а потому может принимать только то законодательство, которое отвечает разуму, и если по собственной воле может принять закон не совместимый с разумом, то в таком случае он утрачивает свою честь разумного существа» [7, с. 46].

По Шаду, закон разума и есть закон абсолютной свободы, и человек, приписывающий себе этот закон, должен с абсолютной необходимостью ему следовать. Абсолютная необходимость и абсолютная свобода уравновешивают и гармонизируют друг друга, но не следует смешивать такую необходимость с необходимостью внешнею, как не смешиваем мы разум с рассудком. По Шаду, слишком резкое противопоставление теоретического и практического разума у Канта — причина его агностицизма и признания за разумом в конечном итоге только регулятивной функции. Разум должен не только направлять волю, но и руководить ею в стремлении познать абсолютное, а в такой функции он всегда должен быть единым. Только тогда человек будет по-настоящему свободен, поскольку овладеет знанием не только об основаниях явлений, но и о возможностях этих явлений, что и возвратит человеку его разум, который будет способен к познанию идей, к чему и стремился Кант. Таким образом, уделяя основное внимание гносеологическому толкованию свободы, дополняя Канта диалектическим монизмом Фихте, Шад не останавливается на единстве «Я» как таковом, а доводит его до тождества субъективного и объективного. Вначале «единство» исполняет в его гносеологических построениях роль тождества, а затем переходит в него непосредственно. Шад был тем философом, который воплощал в своих взглядах развитие основополагающих идей немецкой философии, иллюстрируя высокий научный уровень последней и тенденции ее становления. Данный профессор философии был настоящим «подарком» для Харьковского университета. Он познакомил своих слушателей с наиболее фундаментальными идеями философии Канта, Фихте, Шеллинга, что предопределило не только критическое, но и продуктивное восприятие их идей, а также привело к формированию харьковской школы последователей немецкой классической философии уже в первом десятилетии XIX века.

В 1817 году в Харькове при университете был издан первый в России перевод произведения Фихте на русский язык «Яснейшее изложение, в чем за-

ключается существенная сила новейшей философии...» В книге А. Галактионова и П. Никандрова говорится о том, что Й. Шада — единственный «значительный последователь» Фихте и перевод принадлежит ему [2, с. 176]. Необходимо отметить, что Шада не владел русским языком и перевод принадлежит одному из его учеников. Нужно согласиться с Д. Чижевским, что таковым был С. Т. Есикорский, если учитывать, что сокращенная фамилия переводчика на печатном экземпляре «С. Е-ский» [18, с. 73]. В диссертациях двух других учеников Шада — И. Гриневича и П. Ковалевского — значительное место уделено рассмотрению философии Канта. В диссертации И. Гриневича, которую тот защитил в 1815 году, — «Размышление вступительное об исследовании философии и об истинной природе оной» — философская позиция Канта подвергается критическому анализу, особенно агностицизм. Но, давая оценку учению Канта, Гриневич подчеркивает, что критика чистого разума — это введение в историю философии, способное привести человека в страну счастья [3, с. 64]. Те, кто обвинял Шада в рационализме, протестовали и против деятельности его учеников. Так, первый донос на профессора касался именно диссертаций Гриневича и Ковалевского, которых обвинили в прямом плагиате у Шада. Даже был поставлен вопрос о сопоставлении диссертации кандидата Гриневича с лекциями Шада [1, т. 2, с. 42]. Кандидатские работы все же были защищены.

Оригинальной философской позицией, исходящей из объективно-идеалистического преодоления критической философии, выделялся ученик Шада П. Любовский. Назовем два труда, в которых он выступал как сторонник новой философии: «Сжатое руководство к опытному душесловию, исполненное П. Любовским императорского Харьковского университета философии магистром» (Харьков, 1815) и «Опыт логики, исполненный П. Любовским, слободско-украинской гимназии учителем» (Харьков, 1818). Почему П. Любовский, который мог сделать прекрасную карьеру в высшей школе, стал учителем слободской гимназии? Он просто не отступил от своих научных интересов, что характеризует данного ученого только с положительной стороны.

Андрей Иванович Дудрович, ученик и последователь Шада, занявший после изгнания последнего кафедру философии в университете, защитил докторскую диссертацию в 1814 году еще при своем учителе «De philosophiae genuino Conceptu nec non necessitates ejus absoluta» («О врожденном понятии философии и абсолютной ее необходимости»). Дудрович анализировал как Канта и Фихте, так и Шеллинга, определяя высший пункт развития диалектики именно у Шеллинга, тем не менее он долгое время оставался сторонником Канта.

Наступление на новаторские идеи новой немецкой философии продолжалось на официальном уровне и после высылки Шада из Российской империи. В этом плане Дудрович подвергся специальному письменному допросу о предмете его философской позиции. Письменные ответы были рассмотрены на заседании университета 17 декабря 1819 года и получили следующую характеристику Т. Ф. Осиповского, известного критика кантовской философии, в то время ректора Харьковского университета: «В них изложено только состояние новой германской философии, которая со времени Канта, отобрав у духа естественные основания разумения, не оставила разуму ничего, кроме произведения одних фантазий» [19, с. 470]. Вообще в лице Осиповского, который был утвержден профессором математики в Харьковском университете еще в 1803 году, оппозиция философии Канта получила одного из наиболее

радикальных критиков. Его отрицательное восприятие взглядов Канта на пространство и время, критикуемых с естественнонаучной точки зрения, в некоторых аспектах можно воспринимать как правомерное, однако оно является слишком односторонним, будто Кант в теории познания занимается только выяснением причин восприятия человеком пространства и времени, а не познанием в целом. Поэтому такого рода критику надо воспринимать как просто критику, которая является скорее протестом против метафизического (читай — философского) мышления, чем фундаментальным развитием диалектических идей. Данная позиция ярко выражена в изданной актовом речи Осиповского «Размышление о динамической системе Канта» (Харьков, 1813) [13]. Аналогичной представляется и критика динамической позиции Канта в работе А.И. Стойковича «Система физики» (Харьков, 1813), однако не в такой резкой форме, как у Осиповского, за что Стойковича резко критиковал ректор [10, с. 52].

Естественно, что философия Канта и последующих немецких мыслителей не всегда получала только позитивные оценки. Но в том и заключается ее историческая роль, что она пробуждала философское сознание к критике и развитию того потенциала, который она имела в себе. И все-таки сторонников новой немецкой философии было больше, чем ее противников, особенно в Харьковском университете. К тем сторонникам, кого мы упомянули выше, следует добавить профессора классической филологии Й. Хр. Кроненберга — обрусевшего немца, который обучался в Галле и Йене [18, с. 66]. Еще один профессор — Людвиг Генрих Якоб — высказывал свою позитивную оценку Канта и особенно его практической философии [12, с. 15]. Якоб с 1787 года был профессором, а с 1794 по 1806 год — ректором университета в Галле. Идеи немецкой классической философии нашли свое выражение в текстах учебников Якоба по логике, прикладной психологии, моральной философии, естественному праву, эстетике. Также им был написан «Курс философии для гимназий Российской империи. В шести частях», изданный в Харькове в 1814 году. Затем курс был дополнен еще двумя частями и переиздан в Санкт-Петербурге в 1817 году.

Считаем, что в целом Харьковская школа философии в первой четверти XIX века дает интереснейший материал для серьезного исследования. То позитивное ее достижение, которое можно назвать шагом вперед, связано именно с изучением немецкой классической философии, начавшееся со знакомства с философией Канта и Фихте.

Важно, что знакомство с немецкой классической философией происходило на территории всей Украины. Отдельно следует рассмотреть отношение к изучению и распространению философских идей Канта и его последователей у представителей киевской школы русского теизма. Интересная трактовка идей философии Канта дана Константином Зеленецким, с 1837 по 1858 год — профессор российской словесности в Одессе в Ришельевском лицее высших наук. Как оригинальную можно оценить и позицию Иосифа Михневича, также профессора философии в Одессе, выпускника Киевской духовной академии. Для него наибольшим авторитетом среди представителей новой немецкой философии был Шеллинг: «Поскольку система Гегеля была лишь претворением системы Шеллинга, то это первенство по заслугам должен иметь тот, кто положил начало данному претворению, то есть Шеллинг» [8, с. 7].

Естественно, если Михневич определяет первенство Шеллинга, это не означает, что он ставит его выше Гегеля, не учитывая тот шаг вперед, который был сделан в развитии философии Гегелем. Михневич говорит о «пре-

образовании» Гегелем системы Шеллинга, которая завершила процесс теоретического построения спекулятивной диалектики. Началом этого процесса была дуалистическая философия Канта, продолжением — субъективно-идеалистическая философская система Фихте, которую Михневич считает прологом учения о тождестве. Он оценивает системы немецкого идеализма не столько по их содержанию, сколько по конкретно-историческому месту в процессе развития диалектики.

В данном процессе философия Фихте характеризуется им как первая система диалектики. Именно ее первичность оправдывает субъективно-идеалистическую форму построения. Следует отметить, что содержание «Наукоучения» оценивается как субъективно-идеалистическое: «Не видя ничего, кроме себя, Фихте хотел найти все в себе и поэтому перенес в «Я» не только все существа сотворенные, но и самого их творца так, что мир стал для него суммой не вещей, а мыслей, а Бог превратился в чистую идею человеческого разума» [8, с. 93]. Характеристика, которую давал Михневич немецкой идеалистической философии, показывает, что он точно определил ее ведущее место в мировой философской культуре.

Дополнительно следует заметить, что во Львове, входившем тогда в состав Австрийской империи, новую немецкую философию популяризировал украинский ученый П. Лодий, особенно философию Канта, а в Закарпатье — В. Долгович, который оставил рукопись по философии Канта на латинском языке. В Нежине в местном лицее таковыми были Н. Белоусов, ученик Шада, и М. Тулов, издавший труд «Историческое развитие логики от Аристотеля до Гегеля» [18].

Исходя из содержания статьи, можно сделать вывод о том, что институциональная философия на Украине как части Российской империи в первой половине XIX века во многом отвечала уровню общеевропейского развития философской культуры, к тому же она имела в процессе своего становления достаточно характерные отличительные черты, делающие ее той благоприятной почвой, на которой получили свое развитие и интерпретацию новаторские философские идеи, в частности идеи новой немецкой философии [5].

Безусловно, в первой половине XIX века главным течением отечественной философии было идеалистическое направление. Мы показали на примере творчества представителей харьковской профессиональной философской школы, что значительное, а в некоторых случаях и ведущее место в их осмыслении бытия занимали вопросы, которые были подняты в философии Канта и продолжили свое развитие в философии Фихте. Конечно, затем наступило время философии Шеллинга и Гегеля, но место Канта в развитии отечественной философии, особенно его этического учения, было определяющим. Именно разница в трактовке свободы Кантом и Гегелем — та, что кантовская свобода имеет в своем содержании духовные компоненты: философские, психологические, религиозные — и определяет место Канта в отечественной философии первой половины XIX века.

Список литературы

1. Багалей Д. П. Опыт истории Харьковского университета (по неизданным материалам): в 2 т. Харьков, 1904.
2. Галактионов А., Никандров П. Русская философия IX — XIX веков. М., 1961.
3. Емельянов Б. В., Тамилев В. Г. Н. В. Станкевич как историк и критик немецкой философии конца XVIII — начала XIX века // Кантовский сборник. Калининград, 1987.

4. *Краткий очерк истории Харьковского университета за первые 100 лет его существования*. Харьков, 1906.
5. *Куценко Н. А.* Духовно-академическая философия в России первой половины XIX века: киевская и петербургская школы (Новые материалы). М., 2005.
6. *Куценко Н. А.* Из истории российского кантоведения XIX века // Кантовский сборник. Калининград, 2008. №2 (28).
7. *Лавровский Н.* Эпизод из истории Харьковского университета // Чтения в Обществе истории и древностей Российских при Московском университете. М., 1873. Кн. 2.
8. *Михневич П.* Опыт изложения системы Шеллинга, рассматриваемый в связи с системами других германских философов. Речь, 3 мая 1850 г. Одесса, 1850.
9. *Мотрошилова Н. В.* Социально-исторические корни немецкой классической философии. М., 1990.
10. *Почапский А. М.* Развитие философской мысли на Украине: Первая половина XIX века. Киев, 1984.
11. *Пустарнаков В. Ф.* Университетская философия в России. М., 2003.
12. *Радлов Э.* Очерк истории русской философии. Петроград, 1920.
13. *Речи*, говоримые в торжественном собрании Императорского Харьковского университета. Харьков, 1813.
14. *Соловьёв Э. Ю.* И. Кант: взаимодополнительность морали и права. М., 1994.
15. *Тевзадзе Г. В.* Проблема силы воображения в философии Й. Б. Шада // Философская и социологическая мысль. Киев, 1989. № 4.
16. *Шпет Г.* Очерк развития русской философии // Шпет Г. Сочинения. М., 1989.
17. *Хлопников А. М., Панибратцев А. В.* Философия Фихте в историко-философских трудах И. Г. Буле и И. Б. Шада // Философия Фихте в России. СПб., 2000.
18. *Чижевский Д.* Нариси з історії філософії на Україні. Париж, 1931.
19. *Чириков Г. С.* Тимофей Федорович Осиповский — ректор Харьковского университета // Русская старина. 1876. №17.

Об авторе

Куценко Наталья Александровна — канд. филос. наук, ст. науч. сотр. сектора истории русской философии Института философии РАН, dr_gromov@mail.ru